

«Медицинская газета», 24 июня 1990 года.

В.Лихолитов, Р.Панюшин.
“Молодой души наставник”

31 марта вновь после долгого-долгого перерыва зазвонили колокола храма Святителя Николая в селе Ромашково Одинцовского района Московской области. Усилиями депутатов поселкового Совета, добившихся приема даже у министра культуры СССР Н. Н. Губенко, из здания церкви все-таки выселился склад «Мосфильма».

Побывать в этом уголке Подмосковья всегда отрада. Со звонницы церкви открывается взору истинная, задумчивая русская природа. А тут еще и случай особый. Настоятелем храма святителя Николая назначен врач Алексей Николаевич БАБУРИН. Он, уже в сане священника, как и прежде, принимает больных в 11-м психоневрологическом диспансере Москвы.

О многом было говорено с человеком далеко не рядовой судьбы. Ответил отец Алексей и на такой вопрос:

- Какими душевными переживаниями делятся молодые прихожане на исповеди?

- Мне 35 лет. Терзания молодой души не забылись. О чем говорят на исповеди юноши и девушки? О том, что нас волновало в первую очередь: как трудно найти себя, выбрать профессию на всю жизнь, как нелегко найти спутника жизни по душе. Так было и так будет. Однако времена меняются. Мои сверстники из кожи вон лезли, чтобы раздобыть джинсы, диск рок-музыки казался счастьем, почитать что-нибудь запретное «оттуда» тоже считалось большой удачей. За несколько лет все изменилось: покупай, слушай, читай... А счастья нет!

И все больше приходится встречать молодых людей, которые утратили смысл жизни. Чувствуют себя отверженными. Душа еще незрелая. Ищет Бога, но в чем его найдет? Только ли в храме... Вот к Западу молодежь тянется. Естественно: сколько лет мы жили, как на разных планетах. Но там-то как раз часто Богом становятся деньги, успех, слава, а бывает, и секс. При ложных ценностях теряются чисто человеческие отношения. Вот и любовь редуцируется до грубого, физического ее выражению. Стараюсь навести молодых прихожан на мысль, что есть еще «филия» - дружба, «агапе» - Божественная любовь. Советую почитать книгу англичанина Клайва Льюиса «Пять типов любви». Человечность должна быть во всем. Без веры человек жить не может. Но во что он поверит? Опыта своего жизненного мало, если нет рядом наставника, то приходится идти только методом проб и ошибок, а это не каждому под силу. Я вижу, что у нынешних молодых потребность в истинном наставнике еще острее, чем была у нас. Жалуются, что в трудную минуту, в момент принятия важных решений нет человека, которому бы на слово поверил.

- В дни вашей молодости, значит, было лучше?

- В какой-то степени - да. Наши родители, на мой взгляд, меньше уставали на работе, не столько времени тратили на поиски продуктов. К сожалению, мой отец умер, когда я еще школу не окончил, но я и сейчас помню наши разговоры о смысле жизни, иногда до глубокой ночи. Сейчас мало кто из прихожан может этим похвастаться. В былые времена было естественным искать нравственную опору в храме. Сейчас же к нам приходят те, кто с детства не привык к церкви, лишь в период отчаяния. Кстати, замечу, что, как только я принял духовный сан, алкоголики, наркоманы, молодые люди, желающие бросить курить, со мной стали более откровенны в диспансере. И это помогает мне их лечить. Патология эта особая,

если у пациентов не изменится система ценностей, то при самом высоком терапевтическом эффекте они опять к нам вернутся.

- Еще и года не прошло, как вы стали священнослужителем. А до этого все, как у всех или почти как у всех: школа, медучилище, армия, институт, потом работа в кардиоцентре у Евгения Ивановича Чазова. Вам самому везло с наставниками?

- Об отце я уже сказал. Кроме того, я с детских лет тянулся к церкви. Пел в церковном хоре, читал псалмы, находил там душевную опору. Помогало... В школе у меня по биологии «четверок» не было, только «пятерки». Но При Поступлении в 1-й Московский медицинский институт именно по биологии мне поставили «двойку», Тогда я просто ничего не понял. Позже догадался, что на религиозных людей у нас смотрели как на неполноценных, чинили всяческие препятствия. Сейчас положение начало несколько меняться. Так вот... Расстроился, конечно, страшно, но не впал в мировую скорбь. Поступил в медицинское училище, закончил его с отличием. Армия. Был гарнизонным фельдшером. После армии поступил в Московский медицинский стоматологический институт, но уже на вечернее отделение. До «красного» диплома чуть-чуть не дотянул. Уже трое детей было, времени на учебу мало. Подавляющее число профессоров, реподавателей нашего института — несомненные эрудиты, блестящие знатоки своего дела. Но наставниками могли быть далеко не все. Мы же - вечерники. Горшки носили, инъекции делали, на «скорой» работали... Среди нас даже кандидаты наук были, конечно, не медицинских. И неприятно было видеть, когда некоторые преподаватели, используя свои специальные знания, старались подчеркнуть, что мы всего лишь фельдшера. Но были в институте и любимые профессора. Топографическую анатомию вел Александр Никанорович Андрейцев. Обычно этот курс проходят второпях. А он мог часами рассказывать, какое это чудо природы, чудо совершенства - тело человека. Он не скальпель учил нас держать в руках, он учил нас восторгаться высшим творением природы, благоговению в работе. Скучный, в общем-то, курс он озарил своей личностью. Мыслить клинически учил нас Василий Васильевич Родионов. Мы видели, что лекции его - это не пересказ учебников и монографий. Это труд его ума, души, это вся медицина, преломленная Научным сознанием, огромным профессиональным опытом этого человека. Мы особо ценили то, что Василий Васильевич при внешней сдержанности, пунктуальности был с больными искренне душевным, сердечным человеком. Его забота о пациенте часто далеко уходила за пределы прямых служебных обязанностей.

Мы изумлялись, как умеет наш терапевт Владимир Павлович Костенко с одного взгляда так много увидеть в больном, порой даже точно поставить диагноз, не прибегая к специальным обследованиям. Диапазон его личности был уникален. Он мог говорить на любую тему. Ему хотелось подражать, как человеку, врачу. Умению пользоваться словом мы учились у Владимира Павловича. Теперь-то то я убежден, что психотерапия корнями уходит в религиозную практику. Для нас же, студентов, порой казалось просто чудом, какого интимнейшего контакта достигал с больными Владимир Павлович. Вот люди, которых я считаю своими институтскими наставниками. Не так уж мало.

- Кто-то из великих медиков сказал, что, глубочайшим образом изучив организм человека, души не обнаружил. Объективно медицинское образование вырабатывает атеистическое мировоззрение. Вы же приняли сан священника...

- Да, у меня были колебания. Я уже сказал, какие наставники у меня были в вузе. Но жизнь наградила меня встречей с человеком поистине уникальным. Это Алексей Федорович Лосев. Его труды по эстетике античного времени известны во всем мире. Но были ли отрасли гуманитарного знания, в которых он не оставил своего имени!

Мало кто знает, что это был глубоко религиозный человек. И, скорее всего стал бы вели-

ким богословом, но принудительный труд на строительстве Беломоро-Балтийского канала и дальнейшее преследование заставили его переключить свой выдающийся ум на другие сферы жизни. «Верую потому, что максимально разумно»,— внушал мне Алексей Федорович. У нас была разница в возрасте в 60 лет, но свои книги, труды, подаренные мне, он надписывал «Моему другу...». Я с ним познакомился еще до института. Учитель считал, что медицина - мое призвание. Теперь же я знаю, что врачебную и пастырскую деятельность можно вполне совмещать.

- Возле вашего храма мы прочли объявление, что завтра утром исповедь. Теперь вы сами наставник. Что внушаете молодежи?

- Я стараюсь подвести их к мысли, что плюрализм уместен во всем, кроме морали. Просты и мудры библейские заповеди: «Не убий», «Не укради», «Не пожелай ближнему, чего себе не желаешь...» — в них выстрадана мудрость человечества. Я вижу, что многие молодые ищут смысла жизни. Радуюсь этому: не хотят жить просто так. В чем найдут его? У каждого свой путь. Но без нравственности, духовности личности быть не может.